

ЭТО БЫЛО лет семь назад. Мы жили в армянских горах, в местечке Ахнидзор. Недалеко от родных мест Ованеса Туманяна. Наверное, никогда не забуду эти несколько дней, проведенных волей судьбы и природы в незабываемых краях. Судьбы, потому что это были съемки фильма: режиссер Баграт Оганисян снимал здесь свою картину «Хозяин» (по повести Гранта Матевосяна), а привез нас сюда Хорен Абрамян, исполнитель главной роли.

Природы, потому что зима в тот год в Армении оказалась очень ранней и, как всегда, нарушила все планы кинематографистов, забравшихся столь высоко в горы, чтобы снимать никак уж не зиму, а именно осень. Но ранний выпавший снег, похожий на театральную вату — такой он был белый, пушистый, свежий, — отрезал всех нас от мира: и группу, и двух журналистов, приехавших на съемку.

Но это тогда. А сейчас куда-то отлетели все хлопоты и тревоги, осталось одно — сплошное счастье. Счастье, захватившее в горах, эти таинственные пропасти, тропинки, огибающие высокие, как башни, дома, уютные огни, светящиеся в ночи, крики птиц по утрам. И люди. Да, прежде всего люди. Мы жили в доме у крестьянки, она не говорила по-русски, и переводчицей нам служила актриса Анаит Топчян. Но исподволь я наблюдала за хозяйкой, она ни минуты не была без дела: рано утром, еще в темноте, уже несла ведра с водой и корм скотине, потом хлопотала на кухне, убирала дом. Сидела за домашнюю пряхку. А потом все начиналось сначала. И ведь то была осень, время отдыха крестьянина, а что же здесь делается летом?

К нашей группе относились почитательно, но без назойливого любопытства, быть может, уже привыкли. Но каждое утро к началу съемок на главной площадке, где обычный набор — магазин, почта, сельсовет, — собиралась небольшая кучка людей. И откуда-то из

переулочка выводили белого коня. Съёмочного...

Всего лишь несколько коротких, как дыхание, лет должно было промелькнуть, чтобы мир этот рухнул. Тот мир, который был в наших сердцах, в наших душах, в горах этих армянских, куда мы поднимались и откуда спускались, исполненные самых добрых чувств друг к другу.

Рухнул мир. И то, что разделяет нас теперь, моих друзей, Хорена Абрамяна и Соса Саркисяна, режиссера Альберта Мкртчяна, других, выше гор и холоднее снега, — мне кажется, я теперь и вообще никогда не увижу Армении. Как увидеть, как говорить с людьми?..

...НА РИЖСКУЮ студию мы с тогдашним обозревателем «СК» Дмитрием Казутиным приехали, кажется, году в 84-м. Наша статья называлась «Перед главным собранием года» — имелось в виду, естественно, отчетно-выборное партийное собрание.

Так я познакомилась с секретарем парткома Натальей Бастиной. Она никогда не была освобожденным партработником, постоянно работала на студии редактором и участвовала в создании многих знаменитых фильмов. По-моему, я не встречала еще в жизни женщины более энергичной. И хотя в ее маленькой комнатке парткома висели всевозможные положенные всем обязательства, графики соревнования, планы семинаров и прочее, когда она шла по коридорам студии, весело помахивая ключами, к ней обращались с тысячей просьб, отнюдь не по поводу графиков и семинаров.

Позже я познакомилась с директором Рижской студии Рихардом Пикком, оператором по основной своей профессии (он снимал знаменитый фильм Михаила Богина «Двое»), а потом постановщиком. Наша первая беседа так и называлась — «Режиссер становится директором». С тех пор мы встречаемся с ним в Москве, на пленумах, съездах, конференциях, он выступает всегда без каких-то особых «популистских» притязаний, работает не

на публику, но говорит четко, строго, по делу. Он как-то посоветовал поехать по республике, поговорить с кинопрокатчиками — ведь там сегодня решается судьба кино: «Поезжайте в Валку, там первыми перешли на аренду, там работает интересный человек Гунар Лидагс, был когда-то сценаристом, у него была такая картина «Нужна солистка». А вот теперь ушел в прокат, но работает изобретательно, вводит, например, у себя кабельное ТВ...»

И я помчалась в Валку, это на границе с Эстонией, и по-

МНЕ БОЛЬНО

Соб. культура. - 1990. - 29 сен. - С. 3

знакомилась с Гунаром. Написала статью. И вот настал день, когда Латвия вслед за Литвой объявила о суверенитете. И все мои латышские друзья оказались как бы за границей.

А ОДНАЖДЫ собралась в Ош, приглашал туда мой друг Болот Шамшиев, кинорежиссер. Много раз была в Киргизии, писала книгу о киргизской актрисе Бакен Кыдыкеевой, но об этих заповедных местах столько слышала! Так представляла себе поездку, лукавые и хитрые горные дороги, встречи с новыми людьми. Как было у меня однажды в таджикском горном селении — учителем, муалим, попросил довести его километров двадцать. А потом целый день мы провели у него в саду, тихо, без шума падали в траву горные персики. День был без кино (в поселке не проведено электричество), но сама жизнь чудилась неснятым фильмом.

И вот теперь все кажется сном...

...ПОМНЮ, я рассказывала разным людям, и не частным кинематографу в том числе, как я первый и последний раз была в гостях у Сергея Параджанова. Было это в начале семидесятых и на три-

буне конференции, проходившей в зале Студии им. Довженко, он сказал: «Вахтер, увидев меня, очень удивился. Он думал, я уже умер, четыре месяца, как я не получаю зарплату».

Дом Параджанова в Киеве, впрочем, не единожды описанный, поражал каждого вновь пришедшего, и я, пожалуй, не смогу внести сюда ощутимую лепту. Помню только круговращение людей, предметов, угонений (в которых ничего не было, кроме красоты и изысканности подачи), разговоров. Параджанов, которому я задавала вопрос тот же, что и всем другим работникам студии — а может ли каждый фильм быть шедевром, — ответил однозначно и непримиримо: «Не может, а должен, иначе нечего и браться за искусство». Потом он говорил о Бу-жуеле и о том, как тот высоко ценил параджановские фрески, которые где-то увидел в журнале: «Я хоть завтра уехал бы за границу!» — «И вы уверены, что там вам будет легко?» — с некоторым замешательством сердца перед гением спросила я.

Параджанов не уехал, он попал в тюрьму. Но и выйдя оттуда, не уехал тоже.

Почему же, может спросить читатель, в этом разговоре о рвущихся связях, вспомнила я

вдруг Параджанова? А потому, что вокруг него всегда было множество людей в самых разных городах и на самых разных студиях. Можно было бы сказать, что вот он поистине «гражданин мира», но я так не скажу, потому что уж кто-кто, а Параджанов никогда не был (и почему-то, думается, и не мог бы стать) гражданином мира. Так случилось, что работал он в Киеве и здесь, армянин, поставил картину не просто украинскую, но такую, которая продолжила традиции поэтического кино Довженко (он его любил) и дала ему крылья для нового полета. Отсюда с «Теней забытых предков» пошла мощная волна возрождения украинского кино.

Потом он сделал «Саят-Нова» в Ереване, и это было стимулом для философических притчевых поисков в армянском кино.

Обосновавшись в Грузии, он снял «Легенды Сурамской крепости» и «Ашик-Кериб»...

...Когда на последнем съезде кинематографистов я говорила с великим литовским оператором Ионасом Грицюсом, с режиссерами узбеком Эльбером Ишмухамедовым, казахом Ермеком Шинарбаевым, невольное я вспоминала Сергея Иосифовича Параджанова, которо-

му тогда осталось жить дни. Вспоминала потому, что все они говорили о том, что не могут себе представить наше кино с оборванными корнями, которые так долго мы растили. Конечно, было всякое — и парадные шумихи всесоюзных фестивалей, фейерверки которых опадали буквально на наших глазах, и отчетные декады, и выездные пленумы...

А впрочем, стоп! Как раз о пленумах и всяческого рода семинарах. Сколько пришлось поехать с разными бригадами из Москвы по Средней Азии, по Закавказью, той же Прибалтике. Разве не прекрасно было видеть Марлену Хуциева или патриарха нашего кино Евгения Габриловича, прилетевших за тысячи километров куда-нибудь в Алма-Ату или Ашхабад, чтобы посмотреть десяток-другой еще наивных, еще таких робких дебютов!

Нет, говорили мне на съезде, мы не порывали и не собираемся порывать наши связи. Но была в этих словах, произносимых с настойчивостью, уже какая-то и отрешенность. Какая-то потусторонность. Слово бы человек сам себя убеждает в том, во что сам хочет верить...

Мне больно.

Валентина ИВАНОВА.